
МЕДИИ И КОМУНИКАЦИИ НА 21. ВЕК
21ST CENTURY MEDIA AND COMMUNICATIONS
5/2021

DOI: 10.54664/OIDU6852

Вальдемар ЖАК*

Университет имени Марии Склодовской-Кюри, Люблин, Польша

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ГЕОПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПРОПАГАНДА В СМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Waldemar ŻAK

Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland

**INFORMATION GEOPOLITICS AND POLITICAL PROPAGANDA IN
THE MASS MEDIA OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract: Information is considered one of the main factors of the current geopolitical dynamics. The information paradigm of geopolitics defines the canons of conquest and control of a global information space, as well as the nature of the relationship between geopolitical actors. It covers a range of issues related to geographic information policy, which includes the activities aimed at increasing the power of State information, including in the media. Helping people understand the changing world order has become the main goal of mass media. In an emerging global information field, the media no longer divide events into domestic and foreign ones. Russia's propaganda offensive is a carefully prepared strategy. The country built an array of soft power instruments and transformed them into effective weapons in a new information war with the West. Initially intended as a tool to enhance Russia's soft power, it quickly developed into one of the main instruments of Russia's new imperialism. The minimum task may be the integration of part of the post-Soviet space, whereas the maximum task is to unite civilizations into a single Eurasian continental block in order to restore civilization balance.

Keywords: information geopolitics, information war, political propaganda, soft power, media in the political process, Russia.

1. Постановка научной проблемы и ее значение. В современной России использование технологий манипуляции через средства массовой информации стало неотъемлемой частью политического процесса. Политические манипуляции используются всеми субъектами политического процесса: государством, партиями, политически активными гражданами. Появляющиеся возможности общения предоставляют все более совершенные способы манипуляции. Проблема государственной пропаганды в России крайне актуальна и вызывает многочисленные дискуссии. В начале XXI века в российском государстве началась активная пропагандистская деятельность (Mozgin 2017; Matejuk; Шакиров). „Власти рассматривают свою про-

* **Вальдемар Жак** – аспирант Факультета политологии и журналистики Университета имени Марии Склодовской-Кюри в Люблине, Польша, waldemars2018@gmail.com

пагандистскую деятельность как просвященную, направленную на популяризацию ценности российского общества“ (Государственная пропаганда...). Сокращение использования методов внушения в пользу методов убеждения в работе с общественным мнением является тенденцией в социальных коммуникациях современной России. Это связано с идеологическими аргументами, основанными на изменении российской общественной осведомленности, которая приняла идеологию „суверенной демократии“. Российская информационная война, которую Россия активно ведет против Запада в последние 20 лет, в каждой стране имеет свои национальные особенности. Впрочем, общим стало то, что в Европе только сейчас серьезно начинают осознавать масштабы угроз, возникающих для стран из-за действий России в киберпространстве.

2. Анализ исследования этой проблемы. Угроза российской информационной войны является предметом многих исследований, посвященных политической пропаганде, а также дезинформации и троллингу (Darczewska 2014; Rajczak, Piechota 2016; Wojnowski 2017; Stefan 2018; Krzywdzińska 2019; Piechota 2020; Helma 2018; Gołabek; Paul, Matthews; Van Herpen 2015; Фролов, Грунюшкина, Старостин 2008; Галаева, Тонконогов 2017; Трофимов 2014; Сидоров 2020; Sidorov, Nigmatullina 2017). Важную область анализа занимает изучение широкого инструментария для создания или усиления политических кризисов. Именно его составляющие ориентированы на укрепление радикальной обстановки, антиевропейских тенденций, деятельности, направленной на подрыв политических процессов и дискредитацию политических лидеров ЕС. Многие исследователи, изучающие политические коммуникации, обнаруживают факты манипулирования самими субъектами СМИ (Дзялошинский, Дзялошинская 2019; Соловей 2015). Формирование позитивного или негативного отношения к стране, участвующей в каком-либо международном конфликте, занимает здесь особое место.

2. Целью статьи является представить широкой аудитории как и на каком уровне современная геополитическая мысль и политическая пропаганда в СМИ воздействует на проведение Россией информационной войны как инструмента внешней политики и безопасности.

3. Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. По мнению российского политолога Анны Швидуновой, сущность и особенности политической пропаганды в средствах массовой информации, ее место в политической коммуникации современной России определяются рядом факторов, к которым следует прежде всего отнести: установление демократического государства и формирование гражданского общества, и, соответственно, изменение отношений между политической властью и обществом; наличие различных политических сил и конкуренция между ними; развитие системы массовой и политической коммуникации; изменение политических целей, ценностей в общественном сознании; формирование и постоянное совершенствование правовой базы информационно-пропагандистской деятельности (Швидунова).

Интенсивность политической пропаганды усиливается в периоды различных политических и социальных противостояний, как внешних, так и внутренних. Основной задачей внешнеполитической пропаганды является продвижение позитивного имиджа государства на международной арене, а также реализация конкретных целей. Специфика политической пропаганды в российских СМИ обусловлена в основном тремя факторами: соотношением государственной власти, коммерциализацией и политической диверсификацией медиарынка, а также созданием и развитием других информационных технологий, влияющих на сферу политических коммуникаций – связи с общественностью, реклама и контроль новостного контента.

Как считает исследователь Виктор Мозгин, широко понимаемые средства массовой информации становятся главной плоскостью для борьбы с Западом. Российская Федерация в своей медиаповестке в СМИ использует пропагандистский контент, который играет важную роль в формировании общественного мнения в странах, входящих в ее прямую сферу влияния (Mozgin 2017: 111). Польский политолог Якуб Потульски в своей работе „Геополитика в постсовременном мире“ отмечает, что в современном анализе международной арены подчер-

квивается растущее значение „символической силы“ и „символической власти“, признавая, что конкуренция в XXI веке – это прежде всего идеологическая конкуренция между государствами, а конфликты в современном мире содержат прежде всего информационный фон (Potulski 2011: 143,153).

Как подчеркнул польский политолог Михал Войновски (Wojnowski 2017), современные российские теории информационных войн, несмотря на их упоминание в качестве методов социального контроля и способов воздействия на человеческое сознание, применяемых в СССР, являются результатом адаптаций (появившихся еще 90-х годах прошлого века) концепции информационной деятельности, основанной на разведке и военном использовании информационных технологий. Однако возрождение геополитики, которая дает идеологические и научные аргументы в пользу проводимых информационных операций, оказало решающее влияние на развитие теории и практики информационных войн в Российской Федерации. Ссылаясь на источники, регламентирующие информационную политику России, следует подчеркнуть, что концепция деятельности в информационном пространстве состоит из действий, связанных с формированием, созданием, преобразованием и передачей информации, затрагивающей индивидуальную и социальную осведомленность (Концептуальные взгляды...). Информационное пространство является платформой для противостояния и проведения информационных войн в географическом, политическом, экономическом, социальном и цивилизационном контексте. Информационные войны в российских геополитических доктринах – это инструмент, позволяющий достичь целей государства во внутренней и внешней политике. В Российской Федерации с момента прихода к власти Владимира Путина (де-факто 31 декабря 1999 года) этим является информационная геополитика, основанная на соперничестве со странами Запада. Это тем самым оправдывает консолидацию собственного общества в страхе перед внешним врагом, отождествленным с Западом, и восстановление сферы влияния Российской Федерации на постсоветском пространстве. Эффективная информационная геополитика обеспечивается следующими факторами: русская диаспора и доминирование русского языка на всем постсоветском пространстве. Стоит подчеркнуть, что российские СМИ, и особенно телевидение, до сих пор очень популярны в постсоветских странах. Кроме того, Кремль контролирует средства массовой информации, что позволяет ему придерживаться последовательной интерпретации событий, которая адресована как внутренним, так и внешним получателям информации. Информационная экспансия Российской Федерации осуществляется через крупные медиаконцерны, чья повестка дня все больше ориентируется на иностранного получателя. Российская информационная сеть состоит в том числе из: телеканала Russia Today, российской радиостанции «Голос России», Всероссийской государственной телерадиокомпании, Национальной медиагруппы, Медиахолдинга «Газпром» и информационного агентства и радио «Спутник» (Wojnowski 2015: 13–14).

Стоит признать, что без глубокого анализа генезиса российской геополитической мысли трудно понять традиции и современность российского империализма и самодержавных устремлений. В этом понимании стоит отослать к наследию Византии и сущности „пространственного мышления“, которые выступают ключевыми факторами как в осознании миссии России, так и в ее современной имперской концепции. К основоположникам российской геополитики можно причислить: Георгия Вернадского, Николая Бердяева, Николая Данилевского, Константина Леонтьева, Владимира Ламанского, Льва Мечникова, Вениамина Семенова-Тянь-Шаньского и Алексея Вандама. Среди главных идеологических течений, которые доминируют в геополитической школе современной России, выделяются евразийство, византизм и западничество, что четко прослеживается в концепциях „Москва-Третий Рим“ и „Русский Мир“, где предопределено единство православного и русскоязычного населения без учета государственных границ. Данные концепции опираются на неповторимую русскую цивилизацию, совместное культурное, языковое и религиозное наследие. Концепция „Русский Мир“ де-факто является геополитической доктриной, дающей идеологическую легитимизацию

действиям Москвы на постсоветском пространстве. Кроме того, прослеживается формирование концепции неовизантизма, которая вписывается в так называемую культурную геополитику, предполагающую активное использование общественных объединений, учреждений и культурно-просветительских центров по навязыванию определенных политических взглядов. Далее необходимо представить доктринальную триаду современной России: евразийство-западничество-изоляция, где изложены вышеперечисленные направления во внешней политике, которые подкреплены имперской идеологией. Символической датой рождения евразийства является 1921 г., когда в Софии вышла работа „В борьбе за евразийство“, которая до сих пор популярна в политических кругах России. Так, третий этап развития неоевразийства в современной России (начиная с 2001 г. по настоящее время) является пробой расширения через неоевразийское движение своего геополитического положения за пределами российских границ. Среди самых известных представителей неоевразийства можно выделить: Александра Дугина, Александра Солженицина, Гейдара Джемала, Геннадия Зюганова, Владимира Жириновского и Наталию Нарочницкую. Широко представлены также геополитические взгляды главного редактора газеты „Завтра“ Александра Проханова, который выступает сторонником „пятой империи“ в лице Евразийского союза, и российского политолога Сергея Караганова, который является сторонником создания конфедерации Европейского союза и России под эгидой Союза Европы (интеграция европейского континента от Лиссабона до Владивостока). Особого внимания заслуживает анализ геополитических взглядов философа и идеолога Александра Дугина, которые основаны на синтезе политических доктрин, философской мысли, элементов теологии и социологии международных отношений. Геополитические аргументы Дугина имеют сильное обоснование в том числе в области сакральной географии т.е. сферы знаний, которая приписывает разным пространствам сакральный характер. Главная идейная матрица Дугина закладывает противостояние двух цивилизаций, символизирующих противоположные ценности. Согласно „четвертой политической теории“ Дугина западное общество стало „обществом зрелища“, лишенного глубокой духовной жизни, основанного на потребительской философии, дешёвом развлечении, а также противоречиях в политической сфере (демократия основана на медиаиндустрии), тем самым определив идеологическое состояние Запада как „метафизика мусора“, что послужит дальнейшему распаду западной цивилизации и позволит влиять на неё со стороны российского центра силы (Sykulski 2019).

Стоит обратить внимание также на „стратегические коды“ имеющие влияние на формирование внешней и экономической политики современной России, среди которых следует выделить: 1) физический компонент (географическая протяженность, климат, демографическая структура и природные ресурсы); 2) политический компонент (исторический опыт, стратегическое мышление политических элит, система организации силовых структур и дипломатии, а также политические технологии); 3) цивилизационный компонент (монголо-византийское наследие, мифотворчество и народная символика, отношение религии и государства, доминирующая идеология). Анализ российских основ экономической политики и стратегической доктрины требует лучшего изучения первоисточников российской стратегической мысли. Одной из главных основ российской дипломатии и военного искусства в реализации стратегической цели было и есть уклонение от таранной тактики т.е. действий прямолинейных и открытых. Применяется практика тонкой работы, т.е. действий, требующих мастерского исполнения данных правил, допускается закулисная борьба с широким использованием разного рода форм дезинформации, блефа, манипуляции, обмана и отвлечения внимания. По мнению российского политолога Валерия Соловья, „Россия предпочитает действовать другими способами, да, более скрытыми, но отнюдь не менее эффективными. Она действует в духе почти тайных операций. Но это государственная политика“ (Интервью российского политолога...). Признается, что спектр влияния на массы очень широк и разнообразен. Американский политолог С. Коллинз утверждает, что Москва широко использует американские стратегии сетевых войн и инструменты в области психологической войны: информационные стратегии (public diplomacy),

психологические операции (Psychological Operation – PsyOps) и скрытые операции. Главной формой реализации политических целей для России стала информационная война.

Известный российский политолог Игорь Панарин определил ряд понятий, связанных с информационной войной, которые используются Российской Федерацией: социальный контроль (объектом влияния является общество), социальное маневрирование (преднамеренный контроль общества для достижения конкретных выгод), манипулирование информацией (использование правдивой информации для создания ложных последствий), дезинформацию, распространение манипулированной или сфабрикованной информации, изготовление информации (создание ложной информации), лоббирование, шантаж и принуждение к получению необходимой информации (Darczewska 2014: 15). В своей книге „СМИ, пропаганда и информационные войны“ Игорь Панарин представляет краткое описание основных инструментов информационной войны, которые делятся на две категории: секретные и открытые. Они сочетают в себе: пропаганду; интеллект (способность собирать информацию о противнике), аналитические компоненты (мониторинг СМИ, анализ текущей ситуации), организационные компоненты (координация, подрывные операции, агенты влияния, влияющие на секретные СМИ, которые формируют нужные взгляды политиков) (Панарин 2012: 245). Панарин открыто заявил о геополитическом проекте в своей книге „Информационная война и геополитика“ (Панарин 2006 : 389). Анализируя историю России с точки зрения мировой политики, он пришел к выводу, что успех всех геополитических проектов напрямую связан с преимуществом в информационной борьбе.

Информационная война действует в трех плоскостях (географическом пространстве, ноосфере и киберпространстве). В концепции нелинейной войны ноосфера и киберпространство по сути приравнены к географическому пространству. Следовательно, нет линии фронта, борьба приобретает разные формы: от психологических действий и кибератак до непостоянных действий. Одна из главных целей данного вида борьбы – введение атмосферы тотального страха. Психология становится доминирующим инструментом проведения борьбы. Признается, что информационно-психологическое воздействие распространяется как в географическом пространстве, так и в Интернете.

В перспективе информационная борьба может стать самостоятельным элементом политики государства, направленная на достижение политических и экономических целей без использования непосредственно физической силы. Крайне важной областью массового информационного воздействия, в том числе в контексте военных конфликтов, стал Интернет (Клерка 2016 : 9-10).

Как пишет польский социолог Марта Юза, „Интернет, по-видимому, является открытием в области коммуникации, тем самым явно противоположным традиционным средствам массовой информации. Интернет часто выступает противовесом этих средств массовой информации из-за его особых свойств, таких как: активность получателя, интерактивность, простота вхождения в роль массового отправителя, индивидуализация группы пользователей, различные конфигурации связи вместо односторонней и обезличенной модели массовой коммуникации. Тем не менее, Интернет также может рассматриваться как средство массовой информации из-за: институционализации роли пользователей, групп пользователей, становящихся похожими на массовую аудиторию, включения многих индивидуально-коммуникационных действий в модель массовой коммуникации, построения общей системы социальных значений“ (Juza 2007). По мнению польского политолога Марии Доманьской, „российские власти воспринимают Интернет в первую очередь как поле информационной войны - альтернативный военным операциям в контексте постоянной конфронтации с Западом“ (Domańska).

В геополитических исследованиях эту область отмечают как „экстра территория“ – дополнительное пространство борьбы, которое зачастую превосходит физическое пространство (Gołabek). Связано это с появлением новых явлений, таких, как троллинг. Эта форма информационного воздействия, основанная на массовом распространении мемов в Интернете. Через мемы проходят информационные потоки (слова, предложения, символы, анимации и фраг-

менты фильмов), имеющие целью воздействовать на эмоции получателя информации, представляя конкретное событие в нужном ракурсе.

Виртуальность и, следовательно, интерпретируемость объективной реальности удваиваются и даже утраиваются. Оболочка интерпретации вокруг события, созданного и переданного средствами массовой информации, растет, что способствует более благоприятному направлению на правильный путь массовой аудитории. Таким образом, манипулятивный подход, предполагающий воздействие на массовое сознание, благодаря интернетизации современного информационного пространства увеличивается во много раз. По мнению независимого российского журналиста Алексея Ковалева, „в XXI веке вы можете достичь максимальной аудитории с любой точки зрения, во-первых, это гораздо дешевле и эффективнее, а, во-вторых, более всесторонне. Российским пропагандистом может быть как весь телеканал с тысячами сотрудников, так и анонимный тролль в Твиттере“ (Ковалев).

Троллинг становится инструментом идеологической диверсии, направленным на дезинтеграцию, автономность, раздел конкретной группы или целого общества. Идеологическая диверсия – это деятельность, осуществляемая в рамках закона. Члены различных социальных групп используются в качестве инструментария для осуществления идеологической диверсии. Все они выступают субъектами общественного мнения (например политики, политические эксперты, дипломаты, журналисты, преподаватели, знаменитости, а также обычные люди), способными взаимодействовать только в своих социальных кругах (студенты, чиновники, рабочие и т.д.). Необходимо отметить, что российская стратегическая мысль, в т.ч. геополитическая мысль, заимствовала многие понятия на Западе (теория сетевой войны (netwar), сетевая война, экспорт ценностей, петля Бойда, цикл НОРД Наблюдение-Ориентация-Решение-Действие). Подробно описана роль информационной борьбы в российской теории нелинейной войны (в том числе в концепции военного теоретика Евгения Месснера) по проведению боевых действий, получившая название „мятежная война“ (Sykulski 2015). Главный тренд мятежной войны – это отсутствие линии фронта и государств. Другая концепция диффузной войны, без использования вооруженных сил, принадлежит российскому политику Владиславу Суркову (Почепцов). Главный тренд в диффузном конфликте – это неизвестность и неожиданность. Стратегические интересы России в контексте геополитики можно определить как многовекторные. В первую очередь они направлены на обеспечение политического влияния на постсоветское пространство (так называемую ближнюю границу).

Председатель Варшавского центра анализа пропаганды и дезинформации Адам Лельонек считает, что важным элементом российских действий является „установка нарратива“, целью которого является достижение высокого уровня социальной поляризации и информационного хаоса. Примером выступает информационное агентство „Спутник“, которое „ретранслирует то, что вбрасывается в Интернет или соцсети и что чаще всего является нарративом, интерпретацией или прямой манипуляцией. Он также укрепляет или легитимизирует неадекватные источники или сомнительных экспертов. То есть, деятельность „Спутника“ – это пропаганда и дезинформация. Классический пример – это информационная атака на Польшу. Главное направление, на котором работают российские пропагандисты с польской аудиторией, – это исторические вопросы польско-украинских отношений и в целом подход к Украине. В Польше есть несколько интернет-порталов, которые напрямую вбрасывают элементы, заранее написанные в России, или четко дублируют то, что должно вызывать негативную реакцию в обществе. Это не классические СМИ, а скорее нишевые интернет-порталы, которые отражают убеждения какой-либо группы людей. Но эти люди потом переносят пропагандистские утверждения в массы. Речь идет как об исторических, так и геополитических темах. Среди геополитических тем, в частности, в польском информпространстве распространяется утверждение, что ЕС или Запад приходят в упадок. А Россия – это защитник морали, религиозных ценностей“. Кроме того, автор утверждает, что „пока ни одна страна Европы не готова тратить значительные средства на обучение в сфере кибербезопасности. Молодым людям нужно прививать

соответствующие навыки, чтобы они не стали легкими жертвами киберпреступников и потенциальных информационных агрессоров из-за рубежа, которые будут манипулировать их восприятием мира и навязывать им свою интерпретацию событий. И на это нужны значительные средства. Для объединения усилий стран Запада по противодействию российской пропаганде необходима политическая воля. Без взаимодействия экспертов, журналистов, политиков, элит стран Запада, активизации гражданского сознания мы этой борьбы с российской пропагандой не выиграем“ (Адам Лельонек...).

Современные исследователи пропаганды (Игорь Панарин, Валерий Соловей, Дмитрий Прокопенко, Дмитрий Лучкин, Энтони Р. Пратканис, Эллиот Аронсон, Катажина Стельмах, Хенрик Кула, Мариуш Кольчински и многие другие) выделяют методы информационного и психологического взаимодействия, которые используются, в частности, для построения пропагандистской информации. К ним относятся: ежедневное повествование, использование неподтвержденных сообщений, демонизация и героизация, эмоциональный резонанс, введение страха как фактора, стимулирующего переход к защитному типу поведения, спираль молчания, псевдоповествование. В настоящее время политический медиадискурс характеризуется новыми тенденциями: с одной стороны, наблюдается некоторая либерализация информационной среды, с другой, особенно начиная со второго президентства Владимира Путина (2012 г.) – поддержка государственной политики и «партии власти» со стороны основных средств массовой информации. Происходит дальнейшая медиатизация политики Российской Федерации, благодаря которой „политическая жизнь движется в символическое пространство средств массовой информации“ (Засурский 2001 : 102).

Важным элементом проведения информационной борьбы становится фрагментаризация общества, а затем общественного мнения, что позволит проще управлять большинством, через дисциплинированное меньшинство. Существенную роль проводимого нарратива является его эмоциональное измерение, которое по замыслу инициаторов часто приводит к иррациональному восприятию объектов информационного влияния. Нарратив основан на скрытых схемах, клише, мифах, предубеждениях, стереотипах, симпатиях и антипатиях общества, использования всякого рода ассоциаций и правил всеобщего одобрения, а также очевидности данных взглядов. Часто это приводит к фальсификации информации, основанных на частично достоверной или недостоверной информации (fake news). Главная эмоция, на которой основан нарратив информационной борьбы – это чувство страха. Следует признать, что характер и направление информационного воздействия существенно изменились (Krzywdzińska 2014 : 394). Используются не только прямые и жесткие методы пропагандистского воздействия, но и так называемая „мягкая сила“, ползучее применение идеологии осуществляется через культурные компоненты и средства массовой информации (Nye 2007 : 40). Основоположником концепции является американский политолог Джозеф Най, который утверждает, что „мягкая сила“ имеет три основных компонента: культура, политические ценности и внешняя политика. Первым компонентом является культура – все ценности и практики, характерные для данного общества. Государственная политика является еще одним источником мягкой силы, которая либо усиливает, либо ослабляет ее влияние. Третье условие мягкой силы – это политические ценности, за которые борется государство в своей стране, в международных институтах и внешней политике. Кроме того, российская пропаганда в значительной степени основана на стереотипах, построенных на базе сохранившейся исторической памяти и мифов, исторического и культурного наследия, а также необходимости защищать православные ценности и вытекающую из этого веру в духовную уникальность России и всех русских. Часть информационной стратегии Кремля также является попыткой создать лучший образ России за ее пределами, что является частью общей концепции мягкой силы в российском формате, которую голландский политолог и социолог Марсель Ван Херпен метко охарактеризовал как жесткую силу в бархатной перчатке (Antczak, Plashkina 2017: 87–88).

4. Выводы и перспективы дальнейшего исследования. В современных средствах массовой информации Российской Федерации можно выделить следующие методы манипуляции: значимость событий, использование повторений, ограниченный набор сообщений, использование неадекватных терминов, однородность, создание альтернативной реальности, использование оценки „свой“ – „чужой“ (построение четких ассоциаций „хорошо“ или „плохо“), методов социальной манипуляции, упрощение, заглушение и представление морального превосходства России и российского общества. Информационная и психологическая деятельность смешиваются и тем самым дополняют друг друга. Современная информационная геополитика Российской Федерации стимулирует национальную гордость россиян и их уникальность как нации, а также антизападные настроения. Можно сделать вывод, что в настоящее время своими действиями Россия не достигла полностью поставленной цели „повысить уровень эффективности средств массовой информации“. Содержание намеченной стратегии включает в себя увеличение расходов на освещение средствами массовой информации Российской Федерации и расширение использования медийных ресурсов для достижения политических и военных целей (Россия заняла первое...). Российская Федерация будет предпринимать активные действия в трех основных областях: внутренней, „ближнем зарубежье“ и глобальной. По мнению польского политолога Лешека Сикульского, эта стратегия предполагает стремление заручиться поддержкой и одобрением действий, предпринимаемых Россией в том числе и на международной арене. Внутренние проблемы Российской Федерации будут сфокусированы на внешнем враге, которым, согласно принятому в настоящее время нарративу, будут Запад и НАТО. Атаки будут постепенно усиливаться и в социальных сетях. Политика дезинформации, манипулирования и политической пропаганды в СМИ будет таким образом существенно усилена. Россия направляет свою пропаганду на самые низкие инстинкты, используя примитивное общение и язык ассоциаций, выстраивая его на воображаемой основе лжи, распространяя токсичные ассоциации, поддерживающие ненависть, презрение и страх перед противником или врагом. Важнейшими чертами пропаганды являются грубость и примитивизм, распространение ложной информации и абсолютной неправды, а также установление определенных дискурсов и идей, таких как „Русский мир“ и „Евразийство“ (Sykulski 2019). Тем самым XXI век облегчил доступ к информации и работе российской государственной пропаганды. Информационно-психологическая война принесла новую качественную войну, в которой информация является новым оружием, и ведется постоянная борьба за изменение общественного сознания. Задача российских пропагандистов заключается в том, чтобы внедрить в сознание мирового сообщества такие представления о событиях, которые позволили бы им манипулировать обществом и правящей элитой в будущем.

Редактор (русски език): доц. дн Владимир Хънтов

ЛИТЕРАТУРА//BIBLIOGRAPHY

Antczak, Plashkina 2017: Antczak, A., Plashkina I. Kultowa propaganda : rosyjski dyskurs komunikowania politycznego w przekazie telewizyjnym stacji „Pierwyj kanał. Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek.

Darczewska 2014: Darczewska, J. Anatomia rosyjskiej wojny informacyjnej. Operacja Krymska – Studium przypadku. Warszawa : Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia.

Domańska: Domańska, M. Zakneblować Runet, uciszyć społeczeństwo. Kremlowskie ambicje „suwerenizacji” Internetu <https://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/komentarze-osw/2019-12-04/zakneblowac-runet-uciszyc-spoleczenstwo-kremlowskie-ambicje> [08.05.2020]

Gołąbek: Gołąbek, B. Runet jako „extra territorium” byłego ZSRR : wokół rosyjskiej cybergeopolityki. <https://geopolityka.net/runet-jako-extra-territorium-bylego-zsrr-wokol-rosyjskiej-cybergeopolityki/> [21.04.2020]

Helma 2018: Helma, S. Dezinformacja i wojna psychologiczna jako element polityki Związku Sowieckiego i Federacji Rosyjskiej. "Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów Uniwersytetu Jagiellońskiego. Nauki Społeczne" 2018, No 3, 79–98.

Juza 2007: Juza, M. Internet jako nowe medium masowe: szanse, zagrożenia, perspektywy. "Studia Medioznawcze= Media Studies" 2007 No 2, 62–79.

Klepka 2016: Klepka, R. Wojna w mediach: wybrane zagadnienia dotyczące relacjonowania konfliktów zbrojnych, [W.:] Wojny i konflikty: przeszłość-teraźniejszość-przyszłość 2016, T. 1, No 1, 6-21

Krzywdzińska 2019: Krzywdzińska, A. Rosyjskie dziennikarstwo informacyjne w służbie państwa [W.:] Bezpieczeństwo międzynarodowe w aspekcie niemilitarnych instrumentów oddziaływania Federacji Rosyjskiej. Redakcja naukowa. M. Banasik, A. Rogozińska, Warszawa : Difin.

Krzywdzińska 2014: Krzywdzińska, A. Strategie medialne władz rosyjskich w kształtowaniu rosyjskiej tożsamości [W.:] Tożsamość, indywidualizm, wspólnotowość w kulturze rosyjskiej. Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Matejuk: Matejuk, M. Narracje i kierunki rosyjskich działań propagandowych i dezinformacyjnych w kontekście wojny na Ukrainie https://repozytorium.uph.edu.pl/bitstream/handle/11331/2261/Matejuk%20M.%20Narracja_i_kierunki_rosyjskich_dzialan_propagandowych.pdf?sequence=1 [25.04.2019]

Mozgin 2017: Mozgin, V. Medialny aspekt rosyjskiej propagandy w Mołdawii „Ante Portas – Studia nad Bezpieczeństwem” 2017, No 1, 109–126.

Nye 2007: Nye, J. Soft power: jak osiągnąć sukces w polityce światowej, Warszawa : Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne.

Paul, Matthews: Paul, C., Matthews M. The Russian „Firehose of Falsehood” Propaganda Model. Why It Might Work and Options to Counter It <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE198.html#fn14> [25.04.2019].

Piechota 2020: Piechota, G. Narracja jako narzędzie rosyjskiej propagandy. Rewolucja „żółtych kamizelek” w relacjach sieciowych rosyjskich mediów propagandowych. "Zeszyty Prasoznawcze", 2020, No 1, 115–132.

Potulski 2011: Potulski, J. Geopolityka w świecie ponowoczesnym, Częstochowa : Instytut Geopolityki

Rajczak, Piechota 2016: Rajczak, R., Piechota G. Przejawy rosyjskiej propagandy w Polsce w przestrzeni nowych mediów [W.:] Obrazy Rosji i Rosjan w mediach / pod redakcją Iwony Hofman i Justyny Maguś. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Sidorov, Nigmatullina 2016: Sidorov, V., Nigmatullina, K. Ценностная поляризация медиасферы России: тенденции и признаки. "Zeitschrift für Slavische Philologie" 2016 Vol. 72, No 2, 413-447 // **Sidorov, Nigmatullina 2016:** Sidorov, V., Nigmatullina, K. Cennostnaya polyarizaciya mediasfery Rossii: tendencii i priznaki. "Zeitschrift für Slavische Philologie", 2016, Vol. 72, No 2, 413–447.

Stefan 2018: Stefan, M. Rosyjska koncepcja wojny sieciowej jako metoda dezintegracji politycznej Zachodu. Studium przypadku wybranych europejskich partii politycznych Wrocław 2018 http://rodm-wroclaw.pl/data/_uploaded/Raporty/Raport%20Rosja.pdf [25.04.2019].

Sykulski 2019: Sykulski, L. Rosyjska geopolityka a wojna informacyjna. Warszawa : PWN

Sykulski 2015: Sykulski, L. Rosyjska koncepcja wojen buntowniczych Jewgienja Messnera "Przegląd Geopolityczny", 2015, No 11, 103–112.

Van Herpen 2015: Van Herpen, M. Putin's Propaganda Machine: Soft Power and Russian Foreign Policy. Lanham : Rowman & Littlefield.

Wojnowski 2017: Wojnowski, M. Koncepcja wojny sieciowej Aleksandra Dugina jako narzędzie realizacji celów geopolitycznych Federacji Rosyjskiej "Przegląd Bezpieczeństwa Wewnętrznego" 2017 No 16, 11–37

Wojnowski 2015: Wojnowski, M. „Zarządzanie refleksyjne” jako paradygmat rosyjskich operacji informacyjno-psychologicznych w XXI w. Przegląd Bezpieczeństwa Wewnętrznego 2015 No 12, 11-36

Адам Лельонек ...: Адам Лельонек, президент польского Центра анализа пропаганды и дезинформации. Кремлевские пропагандисты пугают поляков "украинской угрозой" // **Adam Lel'onek ... :** Lel'onek, президент pol'sкого Centra analiza propagandy i dezinformacji. Kremlevskie propagandisty pugayut polyakov "ukrainskoj ugrozoy" <https://www.ukrinform.ru/rubric-polytics/2372583-adam-lelonek-prezident-polskogo-centra-analiza-propagandy-i-dezinformacji.html> [04.06.2020].

Галаева, Тонконогов 2017: Галаева, М. Г., Тонконогов А. В. Информационно-психологическая геостратегия современной России. Москва: Изд-во РГАУ-МСХА // **Galaeva, Tonkonogov 2017 :** Galaeva, M. G., Tonkonogov A. V. Informacionno-psihologicheskaya geostrategiya sovremennoj Rossii. Moskva: Izd-vo RGAU-MSKHA.

Государственная пропаганда...: Государственная пропаганда в России // **Gosudarstvennaya propaganda...:** Gosudarstvennaya propaganda v Rossii <http://ru.science.wikia.com> [25.04.2019].

Дзялошинский, Дзялошинская 2019: Дзялошинский, И.М., Дзялошинская М.И. Российские СМИ: как создается образ врага. Чебоксары: Среда // **Dzyaloshinskij, Dzyaloshinskaya 2019 :** Dzyaloshinskij, I. M., Dzyaloshinskaya M. I. Rossijskie SMI: kak sozdaetsya obraz vraga. Cheboksary: Sreda

Засурский 2001: Засурский, И.И. Реконструкция России: (Масс-медиа и политика в 90-е). Москва: Изд-во МГУ // **Zasurskij 2001:** Zasurskij, I. I. Rekonstrukcija Rossii: (Mass-media i politika v 90-e). Moskva: Izd-vo MGU.

Интервью российского политолога...: Интервью российского политолога Валерия Соловья на радиостанции Эхо Москвы от 16.06.2020 г. // **Interv'yu rossijskogo politologa...:** Interv'yu rossijskogo politologa Valeriya Solov'ya na radiostancii Ekho Moskvy ot 16.06.2020 g. <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2660691-echo/> [18.12.2020].

Ковалев: Ковалев, А. Гид: как работает современная российская пропаганда // **Kovalev :** Kovalev, A. Gid: kak rabotaet sovremennaya rossijskaya propaganda <https://republic.ru/posts/57165> [02.12.2018].

Концептуальные взгляды...: Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве // **Konceptual'nye vzglyady... :** Konceptual'nye vzglyady na deyatel'nost' Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii v informacionnom prostranstve <https://ens.mil.ru/science/publications/more.htm?id=10845074%40cmsArticle> [05.06.2020].

Панарин 2006: Панарин, И.Н. Информационная война и геополитика. Москва: Поколение // **Panarin 2006:** Panarin, I.N. Informacionnaya vojna i geopolitika. Moskva: Pokolenie.

Панарин 2012: Панарин, И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. Москва: Поколение // **Panarin 2012:** Panarin, I.N. SMI, propaganda i informacionnye vojny. Moskva: Pokolenie.

Почепцов: Почепцов, Г. Диффузная война с точки зрения теории нелинейных и нетрадиционных войн // **Pochepcov:** Pochepcov, G. Diffuznaya vojna s točki zreniya teorii nelinejnyh i netradicionnyh vojn <https://ms.detector.media/mediaanalitika/post/19743/2017-10-01-diffuznaya-voina-s-tochki-zreniya-teorii-nelinejnykh-i-netraditsionnykh-vojn/> [02.06.2020].

Россия заняла первое...: Россия заняла первое место в мире по государственным затратам на пропаганду // **Rossija zanyala pervoe...:** Rossija zanyala pervoe mesto v mire po gosudarstvennym zatratam na propagandu <https://www.vitki.info/Россия%20заняла%20первое%20место%20в%20мире%20по%20государственным%20затратам%20на%20пропаганду.html> [02.12.2018].

Сидоров 2020: Сидоров, В. А. Медийные фобии и стратегии политической пропаганды “Знак: проблемное поле медиаобразования”. No 1, 163–172 // **Sidorov 2020:** Sidorov, V. A. Medijnye fobii i strategii politicheskoj propagandy “Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya”. No 1, 163–172.

Соловей 2015: Соловей, В. Д. Абсолютное оружие: основы психологической войны и медиаманипулирования. Москва: Э // **Solovej 2015:** Solovej, V. D. Absolyutnoe oruzhie: osnovy psihologicheskoj vojny i mediamanipulirovaniya. Moskva: E.

Трофимов 2014: Трофимов, Е. А. Государственная пропаганда в России в начале XXI в.: политологический очерк “Теория и практика общественного развития”, No 21, 169–171 // **Trofimov 2014:** Trofimov, E. A. Gosudarstvennaya propaganda v Rossii v nachale XXI v.: politologicheskij ocherk “Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya” No 21, 169–171.

Фролов, Грунюшкина, Старостин 2008: Фролов, Д. Б., Грунюшкина, С. А., Старостин А. В. Информационная геополитика и сеть Интернет. Москва: ImageLab // **Frolov, Grunyushkina, Starostin 2008 :** Frolov, D. B., Grunyushkina, S. A., Starostin A. V. Informacionnaya geopolitika i set' Internet. Moskva: ImageLab

Шакиров: Шакиров, О. “Российская пропаганда”: в соцсетях, в Восточной Европе, далее везде // **Shakirov :** Shakirov, O. “Rossijskaya propaganda”: v socsetyah, v Vostochnoj Evrope, dalee vezde <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/-rossijskaya-propaganda-v-sotssetyakh-v-vostochnoy-evrope-dalee-vezde/> [17.12.2020]

Швидунова: Швидунова, А. СМИ как субъект политического процесса и инструмент политических технологии // **Shvidunova:** Shvidunova, A. SMI kak sub'ekt politicheskogo processa i instrument politicheskikh tekhnologii http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/shvidunova_smi_as_subject_of_/#top [29.04.2020].